

ГОД ПЕРВЫЙ: МАЙ

Гордон Майклз стоял в центре фонтана.

— Боже, — сказал Алек. — Что он делает?

— Кто?

— Твой босс, — ответил Алек. — Купается в фонтане.

Я подошел к окну и посмотрел вниз, туда, где двумя этажами ниже во внутреннем дворе торгового банка «Поль Эктрин» располагался декоративный фонтан. Три его водяных пера, изящно переплетаясь, взлетали в воздух и падали сверкающей круговой завесой. Именно там, в чаше фонтана, погруженный до середины икр, стоял Гордон в своем темно-синем в узкую полоску костюме... в белой рубашке и приличном галстуке... в темных с искрой носках и черных ботинках... в золотых запонках и при кольце с ониксом... во всем лощенном великолепии обитателя Сити... промокший насквозь.

Наверное, меня встревожила главным образом его неподвижность. Невозможно было истолковать это весьма неординарное поведение как своего рода проявление легкомыслия, торжества или веселья.

Я пулей вылетел из выстеленного толстым ковром офиса через пожарный выход, сбежал вниз по ступеням лестницы из крупнозернистого песчаника и пересек мраморное пространство вестибюля. Человек

в форме охранника, сидящий за конторкой, уставился через стеклянные широкие двери, раскрыв рот, так что видны были пломбы; двое только что вошедших посетителей ошеломленно застыли в дверях, глядя на улицу. Я выскочил мимо них наружу и сбавил скорость только на последних шагах перед фонтаном.

— Гордон! — позвал я.

Его глаза были широко открыты. Капельки воды стекали по лбу с мокрых черных волос и оседали на ресницах. Основная масса воды изгибалась хрустальной радугой как раз за его плечами, и брызги сыпались прямо на него, как дождь. Гордон смотрел на меня, не моргая, серьезно и нерешительно, точно не совсем понимал, кто я такой.

— Заходите в фонтан, — сказал он.

— А... зачем, собственно?

— Они не любят воду.

— Кто не любит?

— Все эти люди. Люди с белыми лицами. Они не любят воду. Они не пойдут за вами в фонтан. Если вы будете мокрым, с вами ничего не случится.

Голос его звучал настолько разумно, что мне пришла в голову нелепая мысль — а может, это все-таки шутка? Но шутки Гордона обыкновенно были легкими, светскими, остроумными комментариями на тему человеческой глупости. За ним не водилось шальных балаганных выходок, отдающих сюрреализмом.

— Пойдемте отсюда, Гордон, — с трудом выговорил я.

— Нет-нет. Они меня ждут. Пошлите за полицией. Позвоните им. Скажите им, чтоб приехали и их всех забрали.

— Но кого, Гордон?

— Всех этих людей, конечно. Этих людей с белыми лицами.

Его голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, сосредоточенный взгляд, казалось, обводил толпу, обступившую фонтан. Невольно я тоже посмотрел по сторонам, но увидел лишь стекло и камень банковских стен и разросшийся хор недоверчивых лиц за стеклом.

Мне все еще хотелось верить, что он в своем уме.

— Они здесь работают, — сказал я. — Эти люди работают здесь.

— Нет-нет. Они приехали со мной. В машине. Кажется, там было двое или трое. Но все остальные — понимаете, они были уже здесь. Они хотят, чтобы я пошел с ними, но они меня здесь не достанут, они воды не любят.

Все это время он говорил довольно громко, так что я отлично слышал его сквозь плеск воды, а последнее высказывание достигло и слуха председателя правления банка, который торопливо шагал к нам от здания.

— Ну, Гордон, дружище, — повелительно сказал председатель, прочно утвердившись рядом со мной, — что все это означает, бога ради?

— У него галлюцинации, — сказал я.

Взгляд председателя скользнул по моему лицу и вновь обратился к Гордону, а Гордон серьезно посоветовал ему зайти в фонтан, поскольку там до него не доберутся люди с белыми лицами, питающие к воде необъяснимое отвращение.

— Сделайте что-нибудь, Тим, — распорядился председатель, и я ступил в фонтан и взял Гордона за руку.

— Пойдемте, — сказал я. — Если мы будем мокрыми, они нас не тронут. Нет необходимости оставаться в воде. Достаточно быть мокрым.

— Правда? — спросил Гордон. — Они вам так сказали?

— Да, они сказали. Они мокрых не трогают.

— Ага. Хорошо. Если вы уверены.

— Да, я уверен.

Гордон согласно кивнул. Я легонько потянул его за собой. Он осторожно шагнул, всколыхнув воду, переступил через невысокий парапет и выбрался на мощный плитам дворик. Я крепко поддерживал его и молил небо, чтобы люди с белыми лицами оставались на расстоянии; но, хотя Гордон опасливо оглядывался вокруг, очевидно было, что они пока что не попытаются его похитить.

На лице председателя отразилось глубокое и неподдельное участие. Они с Гордоном давно и крепко дружили. Во многом они были похожи, хотя и не внешне; оба одарены пытливым умом, интуицией, творческой фантазией. Оба в нормальных обстоятельствах имели обыкновение даже самые жесткие указания давать учтиво-вежливым тоном, и оба были явно увлечены своим делом. Им обоим было за пятьдесят, оба в расцвете сил, оба достаточно богаты.

С Гордона текло на мостовую.

— Полагаю, — сказал председатель, бросив взгляд на населенные окна, — нам следует зайти в помещение. Видимо, в зал заседаний. Пойдем, Гордон.

Он взял Гордона Майклза за второй влажный рукав, и один из самых надежных столпов банковского дела во всем Лондоне покорно двинулся за нами, окутанный туманом видений.

— Люди с белыми лицами, — заговорил я, пока мы осторожно прокладывали курс через мраморный простор вестибюля, минуя простых смертных с отвисшими челюстями, — они что, идут за нами?

— Конечно, — сказал Гордон.

Было ясно, что сколько-то из них зашли вслед за нами и в лифт. Гордон все время с подозрением оглядывался. Остальные, как мы поняли, судя по его нежеланию выйти в коридор на верхнем этаже, ожидали нашего прибытия.

— Все в порядке, — ободряюще сказал я Гордону. — Не забывайте, мы все еще мокрые.

— Генри не мокрый, — ответил он, озабоченно оглядывая председателя.

— Мы же вместе, — сказал я. — Все будет хорошо.

Гордон посмотрел с сомнением, но в конце концов позволил своим провожатым вывести себя из лифта. Белые лица, похоже, расступались перед нами, освобождая путь.

По коридору к нам уже спешил личный помощник председателя, но тот остановил его коротким жестом и велел не допускать никого в зал заседаний, пока он не позвонит в колокольчик; и мы с Гордоном прошлепали в мокрых ботинках по толстому зеленому ковру к длинному полированному столу из красного дерева. Гордон согласился сесть в одно из комфортабельных кожаных кресел, окружающих стол, а по бокам сели мы с председателем, и теперь уже Генри Шиптон спросил, здесь ли еще люди с белыми лицами.

— Конечно, — сказал Гордон, поглядев вокруг. — Они сидят на всех стульях вокруг стола. И стоят за ними. Целая толпа. Вы же сами видите!

— Во что они одеты? — спросил председатель.

Гордон озадаченно посмотрел на него, но ответил достаточно просто:

— В белые костюмы, конечно. С черными пуговицами. Впереди, сверху вниз, три большие черные пуговицы.

— Все? — спросил председатель. — Все одинаково?

— Ну да, конечно.

— Клоуны! — воскликнул я.

— Что?

— Белые клоуны.

— О нет, — сказал Гордон. — Это не клоуны. Они не смешные.

— Белые клоуны грустные.

Гордон недоуменно насупился и принялся внимательно разглядывать своих невидимых визитеров.

— Как тут быть? — раздумывал председатель; но обращался он преимущественно к самому себе. Мне же он сказал после паузы: — Полагаю, мы должны отвезти его домой. Он явно не опасен, и я не вижу смысла вызывать сюда доктора, которого мы не знаем. Я позвоню Джудит и предупрежу ее, бедняжку. И отвезу его на своем автомобиле, поскольку, кажется, только я знаю, где он живет. И я был бы вам очень признателен, Тим, если бы вы спустились вместе с нами, сели с Гордоном на заднее сиденье и постарались его успокоить.

— Разумеется, — сказал я. — Кстати, здесь его машина. Он сказал, что, когда ехал сюда, с ним, кажется, ехали двое или трое этих белолицых. Остальные ждали тут.

— Он так сказал? — Председатель поразмыслил. — Вряд ли у него действительно были галлюци-

нации, когда он вышел из дому. Джудит наверняка бы заметила.

— Но он казался вполне нормальным, когда при-
был в офис. Тихим, но нормальным. Он сидел за сто-
лом где-то с час, прежде чем вышел и полез в фонтан.

— Вы говорили с ним?

— Он не любит, чтоб с ним заговаривали, когда
он думает.

Председатель кивнул:

— Что ж, сейчас прежде всего нужно найти одея-
ло. Попросите Питера, пусть найдет. И... э... насколько
промокли вы сами?

— Совсем не промок, только ноги. Не беспокой-
тесь, сейчас не холодно.

Он кивнул, и я пошел на поиски. Питер, тот са-
мый помощник, извлек откуда-то красное одеяло,
в углу которого непонятно зачем было наискось вы-
ткано слово «пожар», и Гордон, плотно закутанный
в эту штуку, позволил деликатно препроводить себя
в машину председателя. Сам председатель сел за руль
и с уверенностью мастера повез своих еще полусы-
рых пассажиров на юг, в сияние майского утра.

Генри Шиптон, председатель правления «Поль
Эктрин Лтд», был мужчиной крупного телосложе-
ния, чья природная полнота не перерастала в туч-
ность благодаря сырой моркови, минеральной воде
и силе воли. Полумечтатель, полуигрок, он привыч-
но подвергал любую возвышенную идею суровой
аналитической проверке; то был человек, чьи могу-
чие природные инстинкты были укрощены, взнузда-
ны и впряжены в работу.

Я восхищался им. И было за что. За время его два-
дцатипятилетней пахоты (из них десять лет он про-
работал на посту председателя) «Поль Эктрин Лтд»

превратился из банковской конторы средней руки в одного из членов высшей лиги и был с уважением признан во всем мире. Я мог почти точно измерить уровень общественного признания по отношению к имени банка, поскольку это было также и мое имя: Тимоти Эктрин, правнук Поля Основателя. В мои школьные годы люди спрашивали меня: «Тимоти как? Э-к-трин? Как ты это пишешь?» Сейчас же они зачастую просто кивают — и не сомневаются, что я унаследовал соответствующие качества, которых у меня нет.

— Знаете, они очень смирные, — чуть погодя сказал Гордон.

— Белые лица? — переспросил я.

Он кивнул:

— Они ничего не говорят. Они просто ждут.

— Здесь, в машине?

Он неопределенно посмотрел на меня:

— Они влезли и едут.

По крайней мере, хоть не зеленые черти, непочтительно подумал я. Впрочем, Гордон, как и председатель, отличался воздержанностью. Но его острый ум был притуплен видениями, холеный бизнесмен остался в предфонтанном прошлом, благородная патина слезла. Фигура в красном одеяле представляла собой жалкое зрелище. Это была лишь тень воителя, изо дня в день уверенно оперировавшего миллионками, и тень эту везли домой в мокрых брюках. Величие человека порой не толще папиросной бумаги.

Он жил, как выяснилось, в тенистом великолепии Клэфем Коммон, в поздневикторианском фамильном особняке, окруженном изгородью в рост человека. В ней имелись высокие, окрашенные в кремовый цвет деревянные ворота, которые были закрыты

и которые я отворил, а дальше меж аккуратных газонов шла короткая, посыпанная гравием подъездная дорожка.

Когда машина председателя подкатила к крыльцу, навстречу ей, распахнув парадные двери, вылетела Джудит Майклз и, не здороваясь, выкрикнула куда-то между Генри Шиптоном и мной:

— Удавлю этого проклятого доктора!

Потом она спросила:

— Как он? — И, жалостно охнув, бросилась к мужу. — Пойдем, милый, пойдем. Все будет хорошо, пойдем со мной, дорогой мой. Сейчас мы тебя согреем, баиньки уложим...

Когда ее большое дитя, пошатываясь, выбралось из машины, она заботливо поправила на нем красное одеяло, потом обернулась к нам с Генри Шиптоном и повторила:

— Я его убью. Голову ему мало оторвать!

— Они сейчас не особенно жалуют вызовы на дом, — с сомнением сказал председатель, — но все же... Он придет?

— Нет, он не придет. Миленькие, пройдите пока в кухню, там кофе на столе, а я спущусь через минуту. Пойдем, Гордон, пойдем по ступенечкам, раз, два... — Она помогла Гордону войти через парадную дверь, одолеть прихожую, застеленную персидским ковром, и подняться по лестнице, огороженной деревянными панелями, а мы с председателем вошли следом и сделали, как нам было сказано.

Джудит Майклз была шатенкой тридцати с лишним лет. В ней так и кипела жизнь, она излучала энергию, и влюбиться в нее мне ничего бы не стоило. До этого утра я лишь изредка встречал ее на светских вечеринках для служащих банка, но всякий раз меня

заново окутывал ореол обаяния и сердечного тепла, естественный, как дыхание. Обладал ли я взамен хоть какой-то привлекательностью для нее, я не знал и не стремился узнать, поскольку вряд ли разумно позволять себе испытывать что-то по отношению к жене шефа. И все равно меня, как и прежде, потянуло к ней, и я был бы совсем не прочь занять место Гордона на лестнице.

Надеясь, что мне хорошо удастся скрывать свои мысли, я прошел вслед за Генри Шиптоном в уютную кухню и выпил предложенный кофе.

— Джудит — замечательная девочка! — вдруг с чувством сказал председатель. Я уныло взглянул на него и согласился.

Через некоторое время Джудит присоединилась к нам. Она, казалось, была скорее раздражена, чем расстроена.

— Гордон говорит, что люди с белыми лицами сидят по всей комнате и не хотят уходить. Ужас какой-то, ей-богу. Меня это просто бесит. Просто завывать хочется.

Мы с председателем растерянно переглянулись.

— Разве я вам не говорила? — спросила она, увидев наши лица. — Ах нет, конечно же нет. Гордон терпеть не может, когда говорят о его болезни. Понимаете, она нестрашная. Ну не настолько страшная, чтобы бросать работу и вообще...

— Э... — сказал председатель. — Что за болезнь?

— Да, пожалуй, вам-то я должна сказать, раз уж так вышло. Убить мало этого доктора, ей-богу. — Она глубоко вздохнула. — У Гордона болезнь Паркинсона в легкой форме. Левая рука иногда немного дрожит. Я и не ожидала, что вы заметите. Он старался, чтоб люди этого не видели.

Мы дружно покачали головами.

— Наш всегдашний доктор оставил практику, а этот новый, он из тех жутко самоуверенных типов, которые все лучше всех знают. Он отобрал у Гордона старые таблетки, а они, насколько я видела, хорошо помогали, и прописал ему какие-то новые. Как раз позавчера. И вот я ему звоню сейчас в совершенной панике и думаю, что Гордон вот-вот впадет в буйство или что-нибудь еще натворит и я обречена буду остаток жизни таскать его по лечебницам для душевнобольных, а этот врач с легким сердцем заявляет, чтобы я не беспокоилась, это новое средство часто вызывает галлюцинации, и дело только в том, чтобы подобрать правильную дозу. Говорю вам, не будь он на другом конце провода, я бы его придушила.

Однако и Генри Шиптон, и я почувствовали заметное облегчение.

— Вы хотите сказать, — спросил председатель, — что это... это пройдет?

Она кивнула:

— Этот чертов доктор сказал, чтобы Гордон перестал принимать таблетки, и тогда он через тридцать шесть часов полностью придет в себя. Вы только послушайте! И после этого нужно принимать их опять, но только половинную дозу, а там, мол, посмотрим, что будет. А потом говорит этак снисходительно: мол, если мы будем волноваться — можно подумать, нам не из-за чего волноваться! — так пусть Гордон через пару дней прогуляется до его приемной и они это обсудят. А вообще, мол, Гордон к завтрашнему вечеру будет в полном порядке, так что нам и думать об этом не надо.

Она и сама мелко дрожала, как будто от гнева, но, скорее всего, ее просто отпустило напряжение,

потому что она внезапно всхлипнула раз и другой, и сказала «о боже», и сердито вытерла глаза.

— Я так испугалась, когда вы мне сказали, — проговорила она, точно извиняясь. — А когда дозвонилась до приемной, наткнулась там на эту чертову непробиваемую секретаршу и минут десять еще уговаривала ее, чтобы она позволила мне поговорить с доктором.

Выдержав короткую сочувственную паузу, председатель, как всегда добираясь до сути вещей, спросил:

— Доктор сказал, сколько времени займет подбор правильной дозы?

Она расстроено взглянула на него:

— Он сказал, что Гордон слишком резко отреагировал на обычную дозу и понадобится недель шесть, чтобы окончательно выяснить, сколько ему нужно. Но если мы продержимся, то эти таблетки лучше других ему подойдут, и надолго.

Генри Шиптон задумчиво вел машину назад в Сити.

— Полагаю, — проговорил он, — нам следует сказать в офисе, что Гордон почувствовал начинающийся грипп и принял какие-то таблетки, вызвавшие галлюцинации. Мы просто скажем, что он представлял себя на уик-энде и ему захотелось поплескаться в бассейне. Это подойдет?

— Конечно, — покладисто сказал я.

— В наши дни галлюциногены чрезвычайно распространены.

— Да.

— Само собой, Тим, не стоит упоминать о белолицых клоунах.

— Не стоит, — согласился я.

— И о болезни Паркинсона, если Гордон того не желает.

— Я ничего не скажу, — заверил я.

Председатель хмыкнул и погрузился в молчание. Наверное, его мысли, как и мои, крутились вокруг избитой темы: побочное действие лекарства порой бывает неприятнее болезни.

До банка оставалось около мили, и тут Генри Шиптон заговорил опять:

— Вы ведь года два уже работаете вместе с Гордоном, не так ли?

— Почти три, — пробормотал я, согласно кивнув.

— И пользуетесь его доверием? Сможете удерживать крепость до его возвращения?

Было бы нечестно отрицать, что такая мысль не пришла мне в голову уже в четверть одиннадцатого утра. Так что я согласился без особого волнения, скорее с облегчением.

В «Эктрине» не было жесткой иерархии. Принятое здесь определение ранга — «пользоваться доверием такого-то и такого-то» — на здешнем жаргоне означало всего лишь, что кто-то в случае чего может принять на себя более серьезную ответственность; но я, в отличие от прочих тридцатидвухлетних служащих, находился в весьма неблагоприятном положении из-за собственного имени. Совет директоров, боясь обвинений в семейственности, чинил мне препятствия на каждом шагу.

— Благодарю вас, — сдержанно сказал я.

На лице Генри Шиптона мелькнула тень улыбки.

— Обращайтесь, — предложил он, — если понадобится помощь.

Я кивнул. Он не собирался унижать меня этими словами. В «Эктрине» помогали всем и всегда. Генри Шиптон считал, что общение между сотрудниками и между отделами в целом является непременным условием успешной работы. Именно Генри Шиптон сломал перегородки между комнатками-конторами, отчего образовались большие свободные помещения. В комнате, где он самолично восседал за весьма роскошным столом, стояло еще восемь штук. С одного фланга к нему примыкал стол вице-председателя, а с другого — главы отдела ценных бумаг. Ряд столов напротив занимали директора других отделов, и все они без труда могли переговариваться друг с другом.

Как и во всех торговых банках, бизнес «Эктрина» весьма и весьма отличался от того, которым занимаются клиринговые банки на Хай-стрит. В «Эктрине» никто и в глаза не видел денег. Здесь не было ни кассиров, ни клерков, ни счетов, ни платежей, ни изъятий и едва ли нашлась бы хоть одна чековая книжка.

Здесь было три главных департамента, каждый из которых выполнял самостоятельные функции и занимал отдельный этаж. Отдел ценных бумаг имел дело с крупными клиентами, объединениями предприятий, контрольными пакетами и выпуском дополнительных акций. Отдел банковских операций, где работали мы с Гордоном, ссужал деньги предприятиям и отраслям промышленности. Управление капиталовложений, самый старый и большой отдел, специализировался на том, чтобы как можно выгоднее поместить огромные инвестиционные фонды благотворительных компаний, пенсий, трестов и профсоюзов.